

**Размышления над книгой В.П. Макаренко
«Аналитическая политическая философия.
Очерки политической концептологии»**

С.Г. Чукин

*доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский военный институт
внутренних войск МВД России*

Создание науки о политике, сопоставимой по своей строгости, ясности и точности прогноза с физикой или математикой, можно сравнить с проектом «супружества как точной науки» из одноименного рассказа О.Генри. Желание иметь надежное теоретическое руководство, опираясь на которое можно было бы разобраться в хитросплетениях текущей политической и экономической жизни и выработать правильные решения, вполне понятно. Более того, оно естественно, и рано или поздно приводит к тому, что сейчас принято называть «концептуализацией» политики. Если в рамках относительно небольшого и более-менее однородного социального и культурного пространства рационализация и схематизация представлений и действий, относящихся к политике, особой проблемы не представляет, то совсем иное дело – разработка универсального учения о политике. Речь, впрочем, идет не только о политике, а о социальной теории вообще, частным случаем которой является наука о политике. Дело в том, что концептуализация социальной жизни происходит посредством внедрения онтологических координат в имеющийся массив эмпирических данных. А в качестве этих онтологических представлений чаще всего выступают идеи и ценности локальной культуры. Создать науку об обществе – значит предложить универсальные идеи и ценности, равно признаваемые всеми локальными культурами. История концептуализации социальной жизни демонстрирует тщетность попыток отыскать или сконструировать такие универсалии. Даже рациональность, на которую уповали и уповают многие, является, как показал Вебер, культурно обусловленной.

Существо проблемы, таким образом, состоит в статусе ценностей, их месте в реальной жизни общества и в способах их концептуализации. Известно, что причиной религиозных войн в Европе были не столько догматические разногласия между католиками и протестантами, сколько поддержка властями одной из сторон, то есть официальное предпочтение одной системы ценностей другой. Внедрение принципа ценностного нейтралитета в политику и право помогло преодолеть эти

войны и другие подобные конфликты, а принцип формального равенства всех участников общественного договора считается основополагающим в либерализме. Ценности были отнесены к сфере внепубличной жизни индивидов и отданы на откуп философам, богословам, писателям и политикам, озабоченным своей популярностью в период выборов. В качестве социального цемента, скрепляющего общество, эти ценности, по мнению теоретиков либерализма, выступать не могут. А, следовательно, не могут быть и предметом научного интереса. Наука об обществе имеет дело с рационально обосновываемыми факторами, причем оперирует строго определенным стандартом рациональности, в соответствие с которыми рациональное обоснование состоит в формально-логической дедукции одного суждения из другого в определенной аксиоматизированной синтаксически-семантической системе суждений.

К.-О.Апель называет сложившийся в последние три столетия подход к изучению общественной жизни «комплементарным». Он имеет в виду то, что ценностный и научный анализы сосуществуют параллельно, не пересекаясь, и дополняют друг друга в цельной картине общества. Соединить же их в рамках одной теории невозможно: представления людей о достойной жизни различны, обусловлены индивидуальными и коллективными предпочтениями и не могут быть рационализированы.

Этот комплементаризм, на наш взгляд, был решением проблемы, поскольку допускал существование пространства, в котором действовали общие (то есть объединяющие) интересы, и рамки которого были границами, блокирующими вторжение локальных ценностей. Все попытки преодолеть дихотомию сущего и должного, фактов и ценностей, не имели успеха, поскольку в них происходило банальное расширение локального пространства со специфической системой ценностей, которое представлялось как неумолимая и неизбежная поступь процесса универсализации. «Любовь к ближнему» расширялась до «любви к дальнему».

В конце прошлого столетия философы истории и социологи констатируют изменения в онтологии общественной жизни и изобретают ярлыки для новой эпохи: «постмодерн», «мультикультурное общество», «постиндустриальное общество», «общество риска» и т.п. Можно по-разному относиться к этим лейблам, но справедливости ради следует признать, что за ними действительно стоит озабоченность социальных теоретиков обозначившимся тупиком в общественном знании. Он проявился в том, что до этого старательно обходимые ценности фактически вторгаются в политику, экономику, право и уклониться от их включения в социальную теорию оказывается невероятно трудным делом. Глобализации мировой экономики и политики с не меньшим успехом противостоят стремления государств, народов, социальных групп и индивидов к сохранению своей культурно-исторической идентичности. Это проявляется в виде требований учитывать представления указанных субъектов о достойной жизни в политических программах, проектах социально-экономических преобразований и в законодательствах. Ценностный плюрализм на онтологическом уровне – это та

данность, с которой соглашаются большинство теоретиков и которая задает направление всем социально-теоретическим исследованиям.

К настоящему времени обозначились различные способы теоретической реакции на обозначенную проблему. Нас интересуют те, в которых признается факт «давления» ценностей на теорию и предпринимаются попытки создания концептуальных моделей общественной жизни, учитывающих это обстоятельство. В западной мысли основополагающей работой такого рода считается «Теория справедливости» Дж.Ролза. Дискуссия вокруг этого труда, возникшая сразу же после его опубликования, способствовала оформлению различных способов осмысления проблемы и, соответственно – её решения. В России ситуация менее радужная.

Книга В.П.Макаренко «Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии» (Москва, Праксис, 2002) является на сегодняшний день первой серьезной попыткой концептуализации проблемы. Главной целью работы является «развитие политической концептологии». Именно «развитие», а не «создание», ибо концептуализация политики началась давно, но периодически она сталкивается с содержательными и методологическими трудностями, для преодоления которых требуются какие-то новые решения. Автор описывает состояние современной политики и политической науки как неудовлетворительные, констатирует их перегруженность идеологией, политико-правовым утилитаризмом, разнообразными стереотипами обыденного сознания и поведения, в результате чего «политика стала неопределенным множеством действий...» (с.11). Требуется «строгое знание о способах соединения в одно целое философских, аксиологических и прагматических элементов всех политических доктрин, концепций и программ. Такого знания не существует» (с.12). В.П.Макаренко надеется на то, что аналитическая философия может предложить методологию искомого синтеза. Он обстоятельно рассматривает результаты и контекст аналитических исследований во всех отраслях общественнознания и в заключение предпринимает попытку развития политической концептологии на основе данных результатов. Независимо от результатов этой попытки, книга заслуживает внимания уже потому, что в ней представлен обзор и анализ работ и авторов, малознакомых отечественному читателю, а по большей части – вовсе неизвестных. В этом смысле «Политическая аналитическая философия» может по праву считаться учебным пособием-справочником по современной западной философии.

Во введении автор уточняет смысл применяемых им терминов и словосочетаний. Ключевыми из них являются: «политическая философия», «политическая теория», «аналитическая философия» и «концептология». Намеренно или нет, но автор не употребляет словосочетания «политическая наука», а говорит о политической философии, отождествляя её с политической теорией. Различие между ними он видит в том, что политическая философия – это нормативное мышление о политике, а политическая теория, помимо нормативной части, включает и эмпирическую мысль. Однако, философия – это тоже теория, равно как теорией является и богословие. Любая философия пытается легитимировать

или подвергнуть критике существующее знание, институты, практику с точки зрения тех идей, принципов, ценностей, которые она объявляет основополагающими (онтологическими) для данного времени. Политическая философия – не исключение. Автор видит цель политической философии в «определении типов политических институтов, которые необходимы для эффективного функционирования и динамики данного общества». За исключением термина «эффективность», который не входит в основную часть философских словарей, все верно. Философия – это перспектива должного. А перспектива сущего принадлежит наука. В этом смысле, политическая теория в понимании автора включает в себя философскую и научную части, связь между которыми не проясняется. В одном месте говорится о том, что философия оценивает наличные политические институты и процессы, а в другом – о том, что она их изучает.

Много вопросов возникает и относительно аналитической философии. Что это такое? – Автор видимо, полагает, что у читателей имеется общее представление о ней, и поэтому, в начале первой главы, он лишь вскользь дает характеристику аналитической философии. Она позиционируется как одно из самых влиятельных направлений в современной западной философии, отличающееся антиметафизической направленностью, особым интересом к методу научного познания, склонностью к точности и ясности используемых понятий, и, самое главное, – пониманием анализа языка как ключа к правильному мышлению. Аналитическая философия, таким образом, определяется как стиль философского мышления, в котором установлен запрет на предельно широкие обобщения на основе интуиций и веры, устранены разнообразные метафоры и аналогии, а основное внимание обращено на аргументацию и логичность рассуждений. Справедливости ради, следует сказать, что в разделах, посвященных аналитическому правоведению, политологии, социологии и т.д., автор постоянно уточняет содержание и смысл аналитической философской традиции на примере разбора учений конкретных её представителей.

Поскольку книга имеет подзаголовок, – «очерки политической концептологии», – хотелось бы, что знать, что такое «концептология». К сожалению, в книге автор не считает нужным остановиться на этом вопросе, ссылаясь лишь несколько раз на работу С.Х.Ляпина, посвященную идеальным типам фактуальности. Можно лишь предположить, что в виду имеется учение о политических концептах, прежде всего о концепте «политика». О «концептах» в последнее время много говорится и пишется. Особенно в этом усердствуют лингвисты. Концепт то приравнивается к логическому понятию, то представляется как единица, сводящая воедино результаты логических, образующих и оценочных операций. У одного из авторитетных российских специалистов в области лингвистики Ю.С.Степанова концепты трактуются как «культурные константы». Несмотря на различие позиций по структуре и содержанию концептов, исследователи сходятся в том, что концепты позволяют представить более полную картину исследуемого объекта, чем логическое понятие или художественный образ, взятые по отдельности. Их можно назвать «конспектами», в которых присутствует описание

объекта как феномена определенной культуры. Принципиальным, на наш взгляд, является вопрос об архитектонике концепта, то есть, о том, как обеспечивается его целостность как единицы сознания и знания. То, что пытается сделать В.П.Макаренко, и есть создание концепта политики, а также концептов, обслуживающих политику, за счет синтеза философских, экономических, социологических, исторических, правовых знаний, необходимых для понимания политики. Аналитическая философия, по его замыслу, делает возможным этот синтез.

«Мысль» - так называется первая глава книги, в которой рассматривается вклад аналитической философии в политическую философию, понимаемую «как нормативное мышление о социальных и политических институтах, которые требуются для политической деятельности» (с.18).

Многие имена и работы, которые В.П.Макаренко привлекает в качестве образцов аналитичности в политическом мышлении, или вовсе неизвестны читателям, даже из числа профессиональных философов, или знакомы лишь понаслышке. К примеру, мы не нашли упоминания о Б.Барри, работу которого автор считает важной вехой в становлении аналитической политической теории, ни в одном из отечественных словарей и справочников, а также в русскоязычных поисковых системах Интернета. В то же время, это имя присутствует в большинстве западных библиографий современной политической мысли, а также в словарях по политическим наукам. То же самое можно сказать о С.Бенне и Р.Петерсе. Автору, таким образом, можно быть признательными уже за одно это «просвещение».

Говоря о методологических и содержательных барьерах, длительное время препятствующих созданию аналитического общественнознания, автор справедливо видит причину в жестких демаркациях, установленных для разграничения научного и ненаучного знания в первых формах аналитической философии. Принципиально важным здесь является исключение ценностей из предметного поля науки. Из факта, посредством логического вывода, невозможно получить ценностного суждения и нормативного высказывания. Кроме того, интересубъективная обязательность суждений считалась тождественной объективной обязательности в смысле свободной от ценностей констатации фактов. Именно поэтому автором выделяется книга Б.Барри, в которой были разрушены «...преграды на пути дискуссии о ценностях» и преодолено «аналитическое «табу» на изучение предметов эмпирических дисциплин» (с.23).

Ключевой фигурой в современной аналитической политико-правовой мысли В.П.считает Дж.Ролза. То, что Ролз действительно является авторитетом номер один в этой области, не подлежит сомнению хотя бы на основе индекса цитирований, который считается показателем значимости современного ученого. Но отнесение его к аналитической традиции возможно только при предельно широком и достаточно неопределенном понимании этой традиции.

Ролз, в отличие от большинства других имен, привлекаемых автором, знаком российскому читателю. Но знаком поверхностно. За исключением монографии Т.А.Алексеевой, специально посвященной анализу теории справедливости Ролза и вышедшей еще в 1992 году, российские философы, правоведы и политологи чаще

всего лишь ритуально ссылаются на его авторитет при обсуждении проблем современной политической и правовой философии. А между тем именно полемика вокруг Ролза, начавшаяся сразу после выхода его книги в 1971 году, привела к серьезной коррекции теории либерализма и способствовала формированию коммунитаризма – важного направления в современном западном общественном сознании. Хотя В.П.Макаренко, ограниченный рамками своей работы, уделил Ролзу не слишком много места, тем не менее, он адекватно эксплицировал его вклад в политическую теорию, а также описал содержание указанной выше полемики. При этом автор оперирует не только текстом самой «Теории справедливости», но и вышедшими в 80-90-е годы статьями Ролза, в которых тот уточнял свою концепцию и, в частности, особо настаивал на том, что его теория является не метафизической, а политической и характеризует западную либерально-демократическую политическую культуру.

Автор кратко, но точно описывает содержание различных типов теоретической реакции на концепцию Ролза. Критики её были и из стана либералов (Р.Нозик), и из лагеря коммунитаристов. В.П.Макаренко отдельно выделяет еще феминистскую критику теории справедливости, но мы полагаем, что она укладывается в рамки коммунитаризма. Больше внимания уделяется положительной реакции на теорию Ролза, поскольку, по мнению автора, именно в её русле выкристаллизовались основные положения аналитической политической теории. При этом точно указываются ошибки последователей Ролза. В особенности их попытка представить ситуацию, в которой происходит заключение контракта, как справедливую, в то время, как справедливость является как раз таки искомой целью. Говоря об экономическом и политическом контрактализме, В.П.Макаренко считает последний более соответствующим концепции Ролза. Но почему-то отказывает «этике дискурса» Апеля и Хабермаса в праве принадлежать к аналитической традиции, хотя различие между ними и тем же самым Акерманом, включаемым в неё, не принципиально.

Самая интересная часть главы – та, где автор рассуждает о том, как аналитическая философия может помочь политической теории в основополагающих для неё вопросах: Какие свойства политического мира следует считать благами? Как осуществить правильный политический выбор? Уже самой постановкой этих вопросов В.П. Макаренко допускает возможность преодоления, с помощью аналитической философии, барьера между фактами и ценностями.

Специфику аналитического подхода к важнейшим проблемам политического бытия определяют, по мысли автора, «универсальный персонализм» и «ценностный солипсизм». В частности, посредством «универсального персонализма» можно определить «объективную ценность» политических институтов сравниваемых государств: достаточно сравнить, как в них живут индивиды (с.43). А интерес индивидов – главный критерий оценки политических структур. То есть, персонализм не признает общих интересов, господствующих над частными интересами и считает, что политика не должна пытаться эти общие интересы обнаруживать и защищать. На наш взгляд, в этой идее нет ничего нового, ибо она является сквозной для классического либерализма, в котором права и свободы

именно отдельного индивида считаются объектом политической и правовой защиты. Проблема как раз таки в том, что понимать под выражением «хорошо живут» (с.43). Можно, конечно, назвать ряд используемых в статистике и социологии критериев, по которым оценивается благополучие индивидов и имидж государств, но в число этих критериев не входят нравственные и эстетические ценности, без учета которых оценить жизнь как «хорошую» или «плохую» невозможно. Ориентировать политическую философию только на интересы индивидов, - значит упустить из виду то, что содержание политических конфликтов сейчас изменилось, и в их перечне важное место занимают разногласия между равными в экономическом отношении субъектами по поводу, скажем, престижа и признания. В настоящее время значительно увеличилось число критериев, посредством которых индивиды и социальные группы себя идентифицируют. Поэтому недостаточно утверждать, что базисная структура общества должна соответствовать благу индивидов, избегая при этом разговоров о содержании этого блага.

Позиция автора по вопросу о ценностях несколько проясняется при рассмотрении им второго принципа политической аналитической философии – «ценностного солипсизма». Признавая, что обычно политические дискуссии базируются на социальных ценностях (с.47), В.П.Макаренко, тем не менее, далее утверждает, что для АПФ именно внесоциальные ценности считаются главными политическими благами и критериями политической оценки (с.48). Хотя, как признает сам автор, солипсистская посылка начинает пересматриваться и коммуитаристами и либералами, АПФ незыблемо придерживается позиции ценностного солипсизма. Причина такой твердости заключается в «социальном атомизме аналитической традиции» (с.49).

Автор кратко и точно описывает существо позиций атомизма и холизма в социальной философии, реконструирует историю полемики между ними. Отмечается, что недоразумения часто проистекают из-за смешивания конститутивного и каузального подходов к определению меры социальности индивидов. АПФ занимает атомистическую позицию, в соответствии с которой «бытие изолированного индивида полагается основанием политической оценки всех альтернатив» (с.52). Примером может служить ролзовский индивид в «первоначальной ситуации». Бытие одинокого индивида объявляется нормой социальной жизни, а политические оценки осуществляются с учетом этой нормы. В.П. Макаренко заключает этот сюжет следующей констатацией: «Для аналитического философа и политического теоретика нет другого выхода, кроме признания внесоциальных ценностей главными критериями политической оценки» (с.53). Вывод закономерен, поскольку идеал научности, которому следует аналитическая философия, в качестве несомненного факта признает атомарные факты. Действия отдельного индивида могут быть просчитаны и изучены достаточно точно, чего нельзя сказать о действиях коллективных субъектов.

Для разьяснения сути аналитического подхода к проблеме политического выбора автор использует различие консеквенциализма и деонтологизма. Эти подходы различаются тем, что в первом цель (искomое благо) влияет на полити-

ческие институты, необходимые для её достижения и допускает даже отступление от желаемых ценностей, а второй обращает внимание на то, чтобы политические институты, в процессе достижения цели, уважали сами ценности. Проблема действительно существует, и В.П. Макаренко наглядно её представляет посредством образа «усердного функционера». Различие консеквенциализма и деонтологизма предлагается использовать для классификации политических теорий и институтов. Но сама-то аналитическая философия на чем останавливается: на первом или втором? – Автор об этом не говорит.

Обобщая сказанное в этой главе, В.П. Макаренко приходит к выводу, что присущая аналитической традиции интеллектуальная строгость позволяет исследовать политическое бытие и мышление особым образом. Проблематика и методы аналитической политической философии, которые обозначены автором выше, обладают, по его мнению, универсальным значением по отношению к социальным наукам. И в последующих главах он анализирует социально-гуманитарные дисциплины в той их части, которая сложилась под влиянием аналитической традиции. Оговоримся сразу: нужно обладать поистине энциклопедической образованностью автора, чтобы прорецензировать эту часть работы. Особенно, когда речь идет о «внутренней жизни» экономической, социологической, правовой теории и истории политической мысли.

Глава «Интересы» начинается с уточнения определения АПФ (подобные уточнения происходят постоянно) и посвящена рассмотрению точек соприкосновения между аналитической философией и «теми направлениями экономической теории, которые определяют экономику как определенный метод мышления» (с.68). Автор показывает на примере конкретных авторов, как, с помощью аналитических процедур экономическая теория включает в себя этическую проблематику, актуальную в связи с необходимостью реализации выбора.

Автор говорит о нормативном мышлении. Но нормативное мышление и оценочные суждения – это не одно и то же. Научное мышление – это нормативное мышление, но оно исключает оценочные суждения. Утилитаризм, который позиционируется как первая аналитическая политическая и экономическая теория, скорее можно назвать вариантом телеологизма. Цель – польза, счастье людей – выступает в качестве мотива и критерия оценки политики и экономики. Если привлекательность цели доказана, то все остальное – дело техники, или, если угодно, целевой рациональности. Автор пишет: «АПФ базируется на определенной модели морального выбора. Индивид размышляет о существующих возможностях при принятии решения, соответствующего этическим нормам» (с.69). И далее: «Но его желания и возможности не совпадают. Поэтому индивид нарушает требования этики» (Там же). – Поскольку цель действий индивида определена, то речь идет о действиях, которые должны быть и рациональными и нравственными. Выше автор устанавливает различие между консеквенциализмом и деонтологизмом как между чисто рациональным и этическим решением. Но проблема заключается как раз в том, чтобы рациональное и этическое совпадали в одном решении. Или, выражаясь языком персонажа известной советской кинокомедии, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями. Есть ли

способы установления предпочтений между желаниями и целями? - К примеру, можно ли желания, которые явно осуществимы, считать более предпочтительными перед желаниями, явно выходящими за пределы возможностей? То же самое относительно целей? – Если да, то, как быть с поэтами, философами, вообще, - с одержимыми в хорошем смысле этого слова людьми? Как сам автор далее говорит, одержимыми «конструктивным безумием»?

В.П. Макаренко пишет, что интерес экономистов к этической проблематике определяется спецификой нормативной социальной теории, которая «... изучает конфликт между желаниями и возможностями» (с.79). В рамках разрешения этого конфликта формулируется понятие *привлекательности*, используемое экономистами при выработке стратегии реализации выбора и для критики традиционной концепции человеческих желаний. В качестве образца теории привлекательности берется концепция аттракторов В.Парето, из которой вытекает этическая и социальная норма, включающая свойства «консеквенциализма, персонализма и индивидуального выбора», соответствующие исследовательским приемам АПФ (с.72). Привлекательность состоит во влиянии действий/программ/институтов на такое состояние мира, «при котором «желания индивидов удовлетворяются лучше (или не хуже) по сравнению с актуальным состоянием (с.72-73). Такой мир, по Парето, является оптимальным. Последователи Парето считают, что на основе этого оптимума можно вырабатывать нормативные рекомендации по вопросам текущей политики. Но опять-таки, вопрос в том, что считать нормой? - У Парето – это идеальная конкуренция в условиях абсолютно свободного рынка.

В ходе рассмотрения экономической теории аттракторов автор приходит к выводу, который сам называет радикальным: «если политические действия/программы/институты функционируют на основе человеческих желаний, они ведут к нежелательным последствиям» (с.83). Мы вновь приходим к тому, с чего начинали: мораль исключается из экономического поведения, поскольку представляет собой не подлежащий учету фактор. В то же, время, как признает автор, возможность реализации выбора «предполагает ведущую роль морали в человеческом поведении» (с.84). Но человек морально несовершенен. Как быть в этой ситуации? – Взять на вооружение концепцию «человека экономического» и согласиться с тем, что «невидимая рука рынка» сама расставит все по местам. Именно он помогает сбалансировать частный и общий интересы, в то время как стремление навязать определенные концепции «общего блага» ведет к социальному хаосу. Автор иллюстрирует проблему с помощью известной «*дилеммы заключенного*». Институциональной оболочкой рынка выступает государство, призванное, прежде всего, сгладить недостатки рыночного распределения дохода.

Критиков рыночной экономики в настоящее время гораздо больше, чем её апологетов и все они, в большей или меньшей мере, исходят из признания существования «общих благ». А рынок не нацелен на производство и поддержание таких благ. Это может сделать только государство, обладающее максимально возможной обобщенной информацией об индивидуальных вкусах и предпочтениях граждан. Но «максимально обобщенная» – не значит «исчерпывающая», и

поэтому, констатирует автор, «невозможно определить полюса индивидуальных и общих благ» (с.110). - Может быть, выходом станут всеобщие демократические выборы? – Тоже нет, как показывает далее автор. Обобщенный вывод сделан им, выглядит так: «проблема общего блага далека от решения» (с.120), а теория общего блага не является адекватным описанием главных обязанностей правительства (с.122).

Таким образом, аналитическая традиция в экономической теории, в качестве главных представителей которой В.П. выбирает утилитаристов, Парето и Бьюкенена, помогает прояснить ситуацию, характеризующую проблему общего выбора в условиях рынка, который все децентрализует, и деятельности государства, озабоченного централизацией. Но только прояснить. И эта проясненная картина не радует, заключает автор. Ибо, по прежнему, социальная теория и практика исходят из пессимистических представлений о человеческой природе, а потому уклоняются от любых вторжений морали в политику и экономику. Но уклоняться становится труднее с каждым днем.

В главе третьей рассматривается взаимодействие политической философии и социологии. При этом на аналитическую социологическую теорию возлагаются особые надежды в связи с тем, что она делает теорию общества менее утопичной, чем это выходит у неаналитических теорий.

Заслуживает внимания обстоятельное рассмотрение автором социологических теорий Дюркгейма и Вебера, которое осуществляется в перспективе проблемы взаимосвязи морали и социальной структуры общества. Хотя Дюркгейм и уделял исследованию этого взаимоотношения много внимания, каких-то строго определенных причинно-следственных связей между моралью с одной стороны, социальными структурами и формами общественной жизни с другой стороны, он не выявил. В.П. Макаренко - признанный специалист по Веберу, автор многочисленных работ по его социологии политики, и потому, рассматривая веберовский вклад, он ограничился лишь общим указанием на эмотивизм веберовской этики, согласующийся с отстаиваемым им принципом исключения оценочных суждений из науки об обществе. Вебер настаивал на том, что из фактов, которые мы получаем относительно социальной жизни, невозможно вывести оценочных суждений. Современная социология и социальная философия признают невозможным настаивать на нейтральном характере социальных фактов и на возможности создания социальной теории, свободной от этики. В этом пункте – ядро полемики между Ролзом и его сторонниками, с одной стороны, и теми социальными теоретиками, которые настаивают на существовании общих благ и на важности этических импликаций в социальную теорию, - с другой. В.П. Макаренко анализирует эту полемику, взяв в качестве представителей коммунитаризма А.Макинтайра, Ч.Тейлора, М.Сэндела, У.Кимлику. Существо претензий одних к другим хорошо описано в западной литературе еще в конце 80-х годов. Коммунитаристов разделили на три разновидности: этических (Макинтайр, Уолцер), социально-философских (Ч.Тейлор, М.Сэндел) и социологических (А.Этциони, Р.Беллах). Все они отстаивают существование «неразложимо социальных благ» (Тейлор), критикуют принцип этической нейтральности, ко-

торый «всех учитывает, но никого не предпочитает» (Уолцер), и требуют от государства поддержки определенного набора этических ценностей как этической нормы (Этциони). И все ведут свой спор с либералами на фоне ролзовской концепции справедливости. Но если Ролз считает справедливость свойством политико-правовой системы, то у коммунитаристов это скорее индивидуальная добродетель, формируемая через принадлежность к локальной культурной группе. Автор достаточно точно воспроизводит существо критических инвектив, которыми обмениваются стороны. Очень к месту приведены аргументы Бьюкенена в пользу того, что рост индивидуальных прав укрепляет, а не ослабляет общество (с.176-177), но далее подчеркивается, что в современных условиях, когда в число индивидуальных прав все чаще попадает право на особую идентичность, рост таких прав может привести к нарастанию сепаратизма. А это, в свою очередь, приводит к проблеме аутентичного общества. Таковым однозначно признается «малое» общество или «община» (гемайншафт), в котором достигается максимально возможное приобщение индивида к общим ценностям.

Но как это связано с аналитической философией? Только ли тем, что конкретные социологические исследования могут быть точным индикатором состояния общества? – Это не факт, поскольку перспектива эмпирических исследований задается определенной теорией общества, которая содержит явные или скрытые элементы «хорошего общества».

Обзор тенденций в экономической и социологической теориях, свидетельствует, по мнению автора, об изменении исследовательских предпочтений ученых: на первый план в них выдвигаются общие ценности, а индивидуальная инициатива и ответственность отодвигаются на второе место. Политическая философия учитывает это смещение акцентов. Она соглашается с тем, что при ориентировании политики на индивидуальные ценности, проблематичной становится защита наиболее обездоленных членов общества и работа над общими проектами, связанными с глобальными опасностями. Но результаты, достигнутые здесь, пока не впечатляют.

В.П. Макаренко рассматривает возможный вклад аналитической политической науки в решение указанной проблемы, имея в виду эмпирические исследования, в которых выражается аналитический подход к действительности. Центральным объектом этих исследований является власть, прежде всего её распределение. Автор убедительно демонстрирует утопичность утверждений о том, что власть при демократии принадлежит народу (избирателю), который посредством выборов участвует в её распределении. В действительности, действия избирателя не рациональны, он руководствуется при выборе не разумом, а чувствами. Чувства же не поддаются строгому анализу и учету. То же самое можно сказать о распространенном мнении по поводу политических элит как настоящих творцов политики. Действительно, эмпирические исследования подтверждают факты концентрации власти в руках определенных групп, которые получили эту власть помимо демократических процедур и распоряжаются ею исключительно в своих интересах. Поэтому, даже при демократии, власть распределена неравномерно и несправедливо. Политические элиты и политические партии не предлагают

избирателям действительно альтернативных программ, и никогда своих обещаний не выполняют. Не рационализирует поле борьбы за власть и принцип: Ты – мне, я – тебе». Он показывает, как создаются группы по интересам, но бесполезен при описании механизмов и способов формирования сотрудничества.

Заставляет задуматься один из выводов автора: «Если считать критерием рыночную экономику, можно эмпирически доказать следующие положения: распределение при плановой экономике равномернее; пропасть между социальными верхами и низами меньше; слой привилегированных людей значительно меньше. Иначе говоря, плановая экономика дает больше равенства» (с.215-216). А вот утверждение о том, что неравенство при плановой экономике становится более кричащим – спорно и вряд ли можно найти ему эмпирические подтверждения. Нам кажется, что плановая экономика (и плановая политика тоже) еще ждет своего часа для более беспристрастного рассмотрения в контексте попыток сделать экономику и политику более предсказуемыми.

Заслуживает внимания сюжет, посвященный консенсусу (с.220 и далее). Автор показывает, как, при разногласиях по принципиальным позициям, затрагивающим так называемые «последние» вопросы, всегда возможны компромиссы по «предпоследним» вопросам. Они и составляют пространство, в котором отыскивается социальный консенсус. Но поступая таким образом, мы исключаем из обсуждения ценности, ибо они всегда входят в состав «последних» оснований. Однако консенсус, достигнутый на основе согласования интересов, всегда надежнее, чем политика терпимости, политкорректности и т.д. Ценностный консенсус весьма хрупок и недолговечен, как показывает история. На наш взгляд, устойчивость многокультурных политических образований, в том числе империй, достигалась прежде всего за счет отказа от попыток договариваться о ценностях, то есть сознательно уклоняться от анализа различий. У автора это называется «политикой аккомодации» (с.221).

Автор пишет о том, что АПН сформулировало положение о преодолении всех барьеров. – Что касается экономических и социальных барьеров, то они действительно преодолеваются, и этому есть свидетельства. Но в отношении культуры речь идет не о преодолении барьеров, а о выравнивании горизонтов. Причем число этих горизонтов постоянно множится. Правда, сейчас, в социальном анализе, можно наблюдать две крайности: попытки культурализации социального, экономического, политического, и социализация, политизация, экономизация, культурного.

Таким образом, достижения аналитической политической науки в деле решения этических проблем, возникающих в связи с властью, сводятся к описанию ситуации, но не к её разрешению. Введенное же автором понятие «конструктивного безумия», нуждается в прояснении.

Следующая глава посвящена аналитической философии права, которая, по мысли автора, связана с аналитической политической философией. Говоря о философии права, он должен высказать позицию по вопросу о взаимоотношениях науки о праве (теории права) с философией права, социологией права и другими дискурсами права. С теорией права все понятно – это наука о праве, которая

изучает право «изнутри», с точки зрения те, кто это право применяет: чиновников и судебных работников. Социология права исследует социальный контекст права. Чем же занимается философия права? – Только ли методологическими проблемами правоведения? – Если придерживаться позитивистско-аналитической традиции в философии права, то она действительно, как подчеркивает В.П. Макаренко, пытается применять философские методы к познанию положительного права, а также занимается анализом природы юридических процедур. Но задачи философии права не ограничиваются только логико-методологическими проблемами. Главной её целью, на наш взгляд, является исследование так называемого «первичного права», то есть права человека на нечто, что действительно ему принадлежит. Показать, что это «нечто» действительно является правом человека и есть цель философии права. Примерно об этом пишет Р.Дворкин в статье «На что мы имеем право?» А то, чем занимается правоведение – это изучение социальной инфраструктуры, создаваемой для того, чтобы человек смог реализовать это «первичное» право. Философия права, кроме этого, занимается легитимацией положительного права в перспективе того, насколько оно соответствует этому «первичному праву». Аналитическая же философия права, по сути, совпадает с юридической наукой, поскольку делает предмет своей заботы безупречную работу правового механизма. Пусть даже при этом её интересует не внутренние поломки, а внешние помехи, - это принципиального значения не имеет. Поэтому право так тесно связано с политикой.

Для интересующихся проблемами теории и философии права ценность представляет предпринятый автором обзор философско-правовых теорий Г.Харта, Л.Фуллера и Р.Дворкина. Особенно последнего, ибо Р.Дворкин считается самым почитаемым философом права в англо-саксонском мире, а его труд «Серьезное отношение к правам» стал каноническим в современной философии права. Фигура «Юридического Геракла», с помощью которой В.П. Макаренко проясняет один из аспектов концепции Дворкина, очень удачна, поскольку наглядно отражает главную трудность в сфере применения права – недостаточность простого наложения закона на конкретное правонарушение. Чтобы приговор в современных условиях был справедливым, он должен учитывать столько много нюансов, что судья действительно должен быть «Гераклом». Плюс к этому, он должен быть моральным Иисусом Христом. В идеале, конечно. Хотя автор иронически относится к концепции Дворкина, считая её апологией деятельности судебного корпуса.

Также интересен представленный обзор авторов и работ, относящихся к «критическому правоведению». Его философским базисом является постструктурализм и деконструктивизм, заикленный на различных разборках и переконструированиях традиционных и модерных институтов, в том числе права и политики. Ничего нового не создается. То же самое можно сказать и о критическом анализе права. Феминистская философия права – это разновидность коммуитаризма, замешанного на Фуко и марксизме. Автор это хорошо показывает на примере теории права и государства Мак-Кинон. Выводы феминистского

правоведения, имеющие эмпирические подтверждения, хорошо вписываются в аналитическую кратологию.

В поле зрения автора находятся только те концепции права, которые принято называть «эмпирико-позитивистскими». Все они, будучи обобщениями реальной истории и политики, настолько укоренены в политику, что провести границу между политикой и правом, практически невозможно. Даже когда право пытается противостоять политике. Одна из причин несправедливости права состоит в его явной или завуалированной политической ангажированности. Косвенным подтверждением этого служит то, что очень редко сейчас можно найти учебник по теории права для обучения будущих юристов. Всегда это «Теория права и государства» или «Теория государства и права». Заранее постулируется неразрывная связь государства и политики. Мы согласны с автором в том, что правовое регулирование социальных отношений неэффективно. Возможно, причина заключается в том, что право по-прежнему понимается как воля господствующего класса, возведенная в закон. Несмотря на камуфляж. Может быть, философии права следует отказаться от анализа права как инфраструктуры, то есть, правопорядка, и заняться тем, чем она занимается в лице Аристотеля, Фомы Аквинского и Канта, то есть выяснением того, что же это такое - право? Чье это право? И на что мы имеем право?

Завершается книга главой «Контекст», в которой рассматриваются непростые взаимоотношения аналитической традиции, укорененной, по преимуществу, в Англии и США, с европейской философией.

Аналитическую философию автор считает продолжательницей линии Просвещения, а континентальную – преемницей традиции критики Просвещения. В качестве основных свойств континентальной философии выделяются её скептицизм по отношению к аисторическому рационализму Просвещения, а также настаивание на культурно-исторической обусловленности мышления. Сквозь призму этих свойств В.П. Макаренко рассматривает конкретные воплощения антипросвещенческой традиции в европейской философии, - от Руссо, Гердера, Гегеля, Маркса и Ницше, до Маркузе, Хабермаса и постмодернистов. Хотя последние критикуют Гегеля и Маркса не меньше, чем это делают сторонники проекта «Просвещения». Да и поздний Хабермас гораздо ближе к аналитической философии, чем к Гегелю и Марксу. На наш взгляд, эта братская могила под названием «континентальная философия», в которую автор сваливает все философское наследие Запада, за исключением аналитических философов, определяемых достаточно произвольно, незаслуженная для неё участь. Каждый из них заслуживает отдельной эпитафии. Гегелю вряд ли уютно было бы покоиться рядом с Ницше, а Марксу – с Хайдеггером. Однако с автором, безусловно следует согласиться в оценке роли постмодернизма как критики западной философии за её метафизичность и метанарративность.

В.П. Макаренко констатирует: политика – это мир «реализованного абсурда», но без неё все было бы намного хуже. Следовательно, чтобы политика становилась лучше, в ней нужно участвовать. Но как сделать так, чтобы это участие было бы более-менее успешным? Могут ли помочь в этом политическая наука и

политическая философия? – Только не те, что основываются на классической антипросвещенческой традиции. Если помощь философии и науки возможна, то только в лице аналитической традиции, утверждает автор. Однако результаты предпринятого обзора достижений аналитической традиции в философии, социологии, экономике, правоведении, политологии, истории политической мысли пока не богаты вкладом в решение проблем современной политологии. Автору удалось лишь показать, что аналитическая традиция продуктивнее всякой другой, на сегодняшний день имеющейся.

Резюме: Книгу следует, конечно, оценивать по тому, что в ней есть, а не по тому, что в ней могло бы быть, по мнению рецензента. Работа В.П.Макаренко представляет собой первую в отечественном обществоведении попытку создания предельно обобщенного знания о политике на основе синтеза множества дискурсов общественной жизни. Подобное знание необходимо по той причине, что в современных условиях именно политика является основным институтом, обеспечивающим необходимый минимум согласия в обществах, страдающих от плюрализма ценностей. Ценности – вечный камень преткновения на пути к науке об обществе. С ними, время от времени, что-то пытались делать, но как-то вяло. Сейчас, как признает автор, настало время более решительных действий. Ценности должны стать предметом научного исследования, а возможность и пути такого исследования демонстрирует аналитическая традиция в философии. Таков посыл книги. В.П.Макаренко следует ему, демонстрируя более успешные, чем у континентальной философии, успехи аналитической традиции во всех отраслях общественнознания. Не следует упускать из виду подзаголовки книги: «Очерки политической концептологии». Это действительно очерки, хотя и связанные единой проблематикой, но не объединенные пока в искомую концептологию. На наш взгляд, одно из препятствий к этому, непроясненность, для самого автора, с тем, что же такое «концептология?»

В книге, несмотря на стремление автора к обобщенной науке о политике, на примере рассмотрения взаимоотношений континентальной и аналитической философии, показано, что время «-измов» прошло. Они сыграли свою роль, в том числе и в политологии. Под «-измами» понимаются те самые «метаповествования», о которых говорит Лиотар и другие постмодернисты. Но концептология, о которой пишет В.П.Макаренко – это не пример очередного «-изма», а принципиально новая модель обобщенного знания, основу которой составляют знания, полученные в условиях строгости, точности, объективности и интеллектуальной честности. Но как быть с ценностями? – Книга подталкивает, лично нас, к выводу о том, что ценности лучше всего оставить в покое. Пока, по меньшей мере. Ценности – это то, что разделяет, а для политической концептологии важно то, что объединяет. Обсуждение ценностей, попытка выяснить, какие из них более «ценные», – повод к столкновению. А когда этим занимаются политики, то открытый конфликт почти гарантирован.

Если консенсус на базе культурных ценностей невозможен, его следует искать там, где различия не столь принципиальны, где они подлежат калькуляции. Это – сфера политических и экономических интересов. А в её исследовании, как показал

автор, аналитическая традиция намного продуктивнее всех остальных. Что касается культурных различий, то они будут иметь место до тех пор, пока будут существовать носители этих различий, - народы, коллективные субъекты и отдельные индивиды. Значительную роль в конфликтах, проистекающих из этого, играют не сами различия, а незнание, порождающее невежество, от которого только один шаг к войне. Помочь здесь может культурная компаративистика, активно развивающаяся в последнее время. Её результаты также могут быть учтены политической концептологией.

В заключение, не можем сказать об авторском стиле. Он очень специфичен, отличается категоричностью суждений, включает оценки, даваемые посредством, в том числе, и обыденного языка. Это смесь научности и публицистичности, свидетельствующая о том, что В.П.Макаренко политика интересует не только как ученого, но и как человека, вынужденного как-то реагировать на характерный для реальной политики абсурд.